

Ф. Н. Ильясов, О. А. Плотникова

НИЩИЕ В МОСКВЕ ЛЕТОМ 1993 года

Ильясов Фархад Назипович — кандидат философских наук, докторант Института социологии РАН.

Плотникова Ольга Анатольевна — учитель школы № 905 г. Москвы.

На протяжении развития человеческого общества отношение к нищим (а попрошайничество, пожалуй, одно из древнейших занятий на земле) было различным. «Древние греки и римляне старались по возможности избегать самого вида нищеты, которая внушала им одно лишь отвращение и ужас; встретить нищего считалось даже дурным предзнаменованием» [1, с. 55]. На Руси при Петре I нищих наказывали кнутом, а подающих штрафовали на 5 рублей. В «цивилизованных» странах отношение было еще более жестким. В Англии, например, при первом задержании попрошайку били плетью, при повторном — отрезали верхушку правого уха, а по третьему разу (то есть «закоренелых рецидивистов») вешали. Во Франции нищих клеймили раскаленным железом и изгоняли из города, а в 1596 г. Парижский парламент издал указ, предписывающий вешать их «без соблюдения каких-либо формальностей» [2]. При Николае I, в 1829 г. был обнародован документ, предусматривающий почетную награду тому, кто сможет разработать проект гуманного и государственного решения проблемы нищеты в России. В начале 50-х годов нынешнего столетия по инициативе тогда первого секретаря Московского горкома КПСС Е.А. Фурцевой столица была в считанные недели очищена от нищих и на протяжении последующих десятилетий попрошайничество наблюдалось довольно редко, как правило, люди нищенствовали вследствие постигших их бедствий. В 90-е годы есть основания считать нищенство одним из видов занятости.

Дореволюционные отечественные исследователи изучали феномен нищенства достаточно обстоятельно. Анализировались, в частности, такие вопросы, как история нищенства, его причины и формы, предпринимались попытки разработать меры борьбы с ним [3, 4, 5, 6]. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона нищенство определяется «как проступок, заключающийся в обращении к благотворительности, при условиях, делающих такое обращение наказуемым (...) профессиональное нищенство, являющееся результатом отвращения к труду и беспорядочной жизни, должно считаться преступным и подлежать как мерам предупреждения и пресечения со стороны полиции, так и уголовной каре» [2].

После революции термин «нищенство» заменяется на «попрошайничество». Под последним в советском уголовном праве понимается «уклонение гражданина от общественно полезного труда, проявление паразитизма (...) Попрошайничество заключается в систематическом выпрашивании у посторонних лиц денег, продуктов питания, одежды и др. материальных ценностей» [7, с. 29]. Общественная опасность попрошайничества «состоит в том, что виновный не участвует в производстве материальных ценностей, потребляя их» [там же].

Исследователи довольно активно обсуждали термин «профессиональный нищий», причем некоторые авторы предлагали отказаться от прилагательного «профессиональный» ввиду размытости используемых критериев. Однако и общие определения нищенства нередко интерпретируют его как сферу профессиональную: вот, например, формулировка И. Прыжова: «Нищими на святой Руси называется *сословие* (выделено нами — *И.Ф.* и *П.О.*) людей, ничего не делающих и промышленяющих сбором подаяний» [6, с. 9]. Если попытаться подвести итоги дискуссии, нашедшей отражение в литературе, то можно сказать, что к профессиональным нищим относятся лица, которые длительное время и систематически занимаются сбором подаяний и для которых милостыня служит одним из основных (или основным) источников дохода. Кстати,

большинство опрошенных нами нищих не скрывали того, что попрошайничество стало их профессией, постоянным занятием, и лишь некоторых временно вытолкнула на паперть отчаянная нужда.

Феномен нищенства — это своего рода система, состоящая из двух частей. Первая — сами нищие. Изучение данной категории непременно включает анализ причин, побудивших людей попрошайничать. В дореволюционной литературе эта тема освещалась достаточно детально. Вот, к примеру, результат одного из социологических исследований начала века. По признанию 21% опрошенных, просить милостыню их вынудило тяжелое материальное положение; 20% респондентов в качестве причин назвали старость; примерно столько же — болезнь, физические и психические недостатки; 15% — одиночество; 3% — пьянство, лень, «дурной пример» [5, с. 9, 17].

Вторая часть системы — подающие люди. Их поведение изучено в меньшей степени, хотя отдельные психологические и социологические аспекты нашли свое исследовательское отражение. Более того, некоторые авторы основной акцент проблемы переносили именно на эту сторону. Так, например, А. Левинстим утверждал: «Одну из самых важных причин нищенства вообще, а профессионального в особенности надо искать в добросердечии людей» [4, с. 32].

Подающие милостыню (назовем такое поведение «подавательным») действуют под влиянием конкретных индивидуальных побуждений. В нашем исследовании (методом нестандартизированного интервью опрашивались подающие и неподдающие милостыню) рассматривалось два аспекта: типы детерминации упомянутого поведения и связь между образом нищего и частотой подаваний. В евангельской традиции противопоставлены два типа «подавательного» поведения: творение милостыни и тщеславие. «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собой, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» [Мф. 6, 1-4].

Проанализировав собранный нами материал, мы выделили несколько типов рациональной детерминации «подавательного» поведения и присвоили им условные наименования. Приведенный ниже перечень проиллюстрирован для наглядности формулировками ответов, наиболее полно и выразительно раскрывающих причину, по которым люди подают милостыню.

Типы детерминации.

Религиозная: «я помогу нищему, мне — Бог»; «помощь тому, кто просит — это искупление греха, покаяние».

Суеверная: «упаси Бог оказаться мне в его положении — дав милостыню, я, может быть, откуплюсь от такой судьбы».

Магическая: «если я подам, то мне повезет»; «мне вышла удача — я за нее должен заплатить»; «помощь нищему снимет с меня порчу».

Традиционно-нормативная: «так принято»; «так поступают все мои знакомые».

Социально-психологическая: «видя нищего, я испытываю чувство вины перед ним, стыд, жалость»; «мне совестно, что есть нищие»; «я ставлю себя на его место».

Психологическая: «я подаю, чтобы ощутить себя благородным, добрым, хорошим»; «мне хочется хоть на некоторое время почувствовать себя великодушным человеком».

Следует отметить, что «чистые» типы детерминации встречаются редко. В большинстве случаев можно говорить о «детерминационном ядре» и об иерархии детерминации, когда называются несколько побуждений к подаванию, но при этом одно является более, а другое менее важным.

Примечательно, что нам не удалось обнаружить такой причины «подавательного» поведения, как «тщеславие», о чем упоминает Библия. Правда, последняя из приведенного перечня формулировка, условно названная психологической, пожалуй, может, с некоторыми оговорками, рассматриваться как проявление тщеславия. В этом же ряду и «демонстрационное» поведение. Типичный пример: мужчина подает

милостыню, дабы показать спутнице свою щедрость, душевность, широту на-1 туры, отзывчивость. Логично предположить, что интенсивность подаяния зависит от состояния общественного сознания. На момент (конец июня — начало июля 1993 г.) проведения исследования характерная для российского общества социальная аномия, повлекла за собой — «причем в массовых масштабах — неуверенность в завтрашнем дне, зыбкость социальных ориентиров, смену этических и идеологических парадигм и т.д. Все это приводит, с одной стороны, к росту религиозных и магических настроений, выполняющих функцию психологической защиты, а с другой — к снижению психологической устойчивости, что в свою очередь, усиливает реагентность к такому, в частности, стимулу, как нищий. И можно с большой долей уверенности утверждать, что, если бы, скажем, в 1975 г. в Москве вдруг появилось столько же нищих, сколько сегодня, то интенсивность подаяния была бы значительно ниже нынешней.

Мы не ставим себе целью выявить распределение населения по типам детерминации «подавательного» поведения. Сами же типы могут быть классифицированы по следующим трем основаниям.

Целерациональные причины. Подав милостыню, человек испытывает удовлетворение от осуществления удачной «сделки», — «заплатив так мало, я купил так много». Таковы, на наш взгляд, упомянутые выше религиозные, суеверные и магические мотивы подаяния.

Эмоциональные причины. Помогая нищему, человек подчиняется определенным эмоциям, ощущает своего рода катарсис, очищение. Подав милостыню, он чувствует себя (хотя бы на мгновение) чище и лучше. Это и есть «товар», купленный им у нищего. В данную группу входят социально-психологические и психологические типы детерминации.

Традиционно-нормативная причина. Этот мотив является промежуточным между двумя первыми. Как правило, он сообщает импульс «подавателю» поведению, однако, видимо, всегда имеет рациональный и (или) эмоциональный подтексты. Таким образом, актом подаяния в любом случае «покупаются» положительные чувства, ощущения, эмоции, состояния.

Анализ интервью и наблюдений позволяет выдвинуть следующую гипотезу: «подавательное» поведение лиц с более высокими доходами (экономическим статусом) чаще обусловлено рациональной детерминацией, а со сравнительно низкими доходами — эмоциональными факторами. Насколько верно такое предположение покажут дальнейшие исследования.

Как уже отмечалось, мы опрашивали также тех, кто никогда не подает милостыню. Примечательно, что причины отказа тоже сводятся к выделенным трем группам, то есть рациональным, эмоциональным и традиционным, причем у части респондентов, по их признанию, возникает противоречие между рационально обоснованным отказом и эмоциональной реакцией на нищего. Подобный внутренний конфликт приводит к состоянию дискомфорта, легкого стресса.

И еще одно любопытное наблюдение. Среди наших респондентов обращает на себя внимание своеобразная промежуточная категория. Речь идет о тех, кто сначала подает, а потом сожалеет о содеянном. И это не единственный акт, а действие, повторяющееся бесконечное число раз. Видимо, конфликт между установками «подавать» и «не подавать» у таких людей глубже, острее, чем у вообще не подающих.

Перейдем теперь от выяснения того «почему человек подает?» к вопросу «кому он подает?» Собранный материал позволяет установить ряд значимых при этом факторов. Первый — ассоциативные связи (нищий кого-то напомнил, вызвал ассоциации, стимулирующие соответствующую реакцию). Второй — выбор того, кто действительно нуждается больше других. И третий — некая, порой метафорическая, идентификация, отождествление себя с нищим. Во всяком случае, по нашим подсчетам, женщины чаще подают женщинам, а мужчины — мужчинам.

В рамках ответа на вопрос «Кому подают?» мы проверяли связь между имиджем нищего и частотой подаяния — ведь всякий «нормальный» нищий «работает», можно сказать, в определенной парадигме, исходя из того (порой это реальная причина), что милостыню должны подавать «за что-то, почему-то». Иными словами, прохожему должно предъявляться объяснение причин сбора милостыни.

Эмпирической базой этой части исследования служит хронометраж «подавательного» поведения. По каждому типу нищих проводилось не

менее шести замеров, различающихся объектом, временем и местом. В качестве единицы измерения выбрано количество подаваний в течение 10 минут.

Чтобы устранить влияние таких факторов, как число прохожих и контекст среды (ландшафт), хронометраж осуществлялся в переходах московского метро в пределах кольцевой линии. Как оказалось, интенсивность пассажиропотока слабо связана с частотой подавания. Так, например, не обнаружилось различия между высокой и средней плотностью пешеходного движения. В целом частота подавания (на 100 прохожих) обратно пропорциональна интенсивности людского потока. Таким образом, с уменьшением числа прохожих доля подающих милостыню увеличивается. Благодаря описанному парадоксу, частота подавания в единицу времени является величиной довольно устойчивой в широком диапазоне интенсивности пассажиропотока. Подсчет числа подаваний в зависимости от имиджа нищих производится только по тем из них, которые занимали место «на входе». Тем самым мы стремились снять возможное влияние «истощения» «подавательного» поведения. Однако проверка подобного влияния дала неожиданный результат. После замеров в длинном переходе, где в начале, середине и конце сидело по одной «женщине с ребенком» (других нищих здесь не было), выяснилось, что все они за 10 минут получили по восемь подаваний. По-видимому, при восприятии нищих «срабатывает» кумулятивный (накопительный) эффект. Первая «женщина с ребенком» побуждала часть прохожих дать ей милостыню, а часть — только «подготавливала», кто-то из пешеходов «созревал» у второй «матери», другие же, получив здесь еще один импульс для переживания, «разряжались» у третьей нищей.

По нашим подсчетам, доля подающих в метро колеблется от 1 до 4% в зависимости от времени, интенсивности пассажиропотока и, видимо, главное, от «драматургии образа» нищего. В среднем подавал приблизительно каждый шестидесятый прохожий¹.

В дореволюционный период типологии нищих уделялось большое внимание. Вот, например, одна из них, предложенная Д. Максимовым: 1. «женщина с больным ребенком» (иногда вместо ребенка держит просто полено, завернутое в тряпки); 2. «калеки»; 3. «шарманщики и музыканты»; 4. «дети»; 5. «на погребение младенца» — в старину ходили с гробиком в руках; 6. «бродяги и безродники»; 7. без внешних признаков нищенствования — с табличкой или устным обращением к прохожим.

Таблица 1. Имидж нищих и частота подаваний

Имидж	доля в общем количестве наблюдаемых нищих, %	среднее число подаваний за 10 минут
«инвалид»	17	13
«оркестр»	4,4	12
«музыкант» / «дуэт»	12	10
«табличка о помощи»	8,2	9
«немогущая женщина или старушка»	18	7
«немогущий мужчина или старик»	5,5	7
«женщина с детьми»	14	5
«бомж»	8	1
«ребенок», «дети»	4,2	*
«ребенок — музыкант»	1,7	*
другие	3	*
без имиджа	4	*

* нет достаточно данных

Среди последнего типа выделялись такие подтипы: а) «погорельцы», б) «переселенцы», в) «на билет на возвращение на родину», г) «по слабости здоровья, ввиду выписки из больницы», д) «благородные, потерявшие за правду», е) «на угнанную или загнанную лошадь», ж) «на приданое невесте», з) «севастопольцы», утверждающие, что они солдаты, раненные под Севастополем [5, с. 58-60].

¹ Авторы выражают глубокую благодарность С. Степаненко за помощь в сборе эмрического материала.

Не претендуя на представительность данных, приведем свою типологию (см. таблицу).

Как видно, картина весьма сходная с описанной выше за исключением некоторых, так сказать, конкретно-исторических деталей вроде угнанной лошади. Судя по результатам проведенных замеров, существует связь между имиджем нищего и частотой подаяния. Чаще всего, как явствует из таблицы, подают «инвалидам». Затем по убывающей следуют «музыканты», люди с табличкой о помощи, «немошные», «женщины с детьми». Замыкают ряд «бомжи». Средняя по всем замерам составила восемь раз за 10 минут. В ходе наблюдений выявились значительные колебания в частоте подаяния в рамках одного имиджа. Это зависит от того, насколько правдоподобно, драматично и достойно (!) или жалко выглядит тот или иной просящий. Немаловажную роль играет даже такая «деталь», как поза. Мы провели следующий эксперимент. Студенты психологического факультета МГУ Б. С. и С. К. встали в переходе метро у стены, держа в руке полиэтиленовый (непрозрачный) пакет. К груди каждого была приколота карточка с надписью «Подайте милостыню, пожалуйста». Прохожие активно реагировали на несколько необычную ситуацию, в частности, многие обращались к стоящим с вопросами. Однако частота подаяний оказалась ниже «статистической нормы» — три раза за 10 минут, а средняя величина «пожертвований» составила 10 руб. (Собранные деньги группой, проводившей эксперимент, были опущены в ящик для сбора денежных пожертвований, установленный Красным Крестом в здании Центрального телеграфа.)

Наблюдаются большие различия в величине подаяния как между отдельными имиджами, так и внутри них. Например, инвалиду или подострому-музыканту могут подать тысячерублевую купюру, но никто не даст таких денег «немошному человеку», а тем более «бомжу».

По нашим приблизительным подсчетам, часовой заработок нищего колеблется в пределах от 480 до 4 200 руб., в среднем же составляет около 960 руб., что заметно выше чем у среднестатистического работника. Кстати, эти цифры подтверждали и сами нищие, которых нам удалось опросить. В России всегда подавали милостыню больше, чем в западных странах, что приводило к «импорту нищих». Так, И. Прыжов отмечает: «Несноснее же всего, безобразнее, тупее, — это порождение Риги и Ревеля и т. д. приморских городов, толпы немецких нищих, приманенных в Москву русской щедрой милостыней» [5, с. 69].

Несколько слов об организации нищенства. До революции это было довольно распространенное явление. Нищие, выплачивали «организаторам» около 80% своих сборов [5, с. 68]. Учитывая, что в Москве к началу века насчитывалось от 34 до 40 тысяч нищих [6, с. 70-71], это, видимо, был «большой бизнес». Вообще количество нищих в России в то время превышало 300 000 человек [4, с. 1]. Стало быть, на долю Москвы приходилось около 10%. В 150-миллионной России нищим был тогда каждый 500-й житель.

Проинтервьюированные нами нищие либо отрицали наличие рэкета в этой сфере, либо отказывались отвечать на подобные вопросы. Лишь один респондент указал, что платил за место 50 000 рублей в месяц.

В ходе нашего выборочного исследования было зафиксировано около 200 человек, просящих милостыню. Если иметь в виду, что «работающие» в метро составляют лишь некоторую часть от общего их числа, то становится понятным: речь идет о нескольких тысячах, промышленяющих нищенством в Москве. Не исключено, что в ближайшее время нищенство может стать серьезной социальной проблемой - второй раз в истории России. Поэтому остается повторить давно сказанное: «Участие государства, энергично содействующего систематическому осуществлению широкой системы помощи в нищете и нищенстве, крайне важно и необходимо. Разработка подробностей этого участия и пределов его составляет неотложную задачу ближайшего времени» [5, с. 134].

Литература.

1. Благотворительность // Энциклопедический словарь. Т. 4. СПб.: Издание А.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1894.
2. Нищенство // Энциклопедический словарь. Т. 21. СПб.: Издание А.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1897. С. 208-210.
3. *Сперанский С. В.* К истории нищенства. СПб.: Типография В. Киришбаума 1897.

4. *Левинстим А.* Профессиональное нищенство, его причины и формы. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1900.
5. *Максимов Д.* Происхождение нищенства и меры борьбы с ним. СПб.: Типография В. Кишбаума, 1901.
6. *Прыжов И.* Нищие на святой Руси. Казань: Издательство Молодые силы, 1913.
7. Бродяжничество и попрошайничество // Юридический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1984.